

ДЖОУИ ГРАСЕФФА

**ДЕТИ
ЭДЕМА**

ДЖОУИ ГРАСЕФФА
при участии **ЛОРЫ Л.САЛЛИВАН**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г77

JOEY GRACEFFA
CHILDREN OF EDEN

Печатается с разрешения издательства Atria Books,
An Imprint of Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Алексея Анастасьева*

Грасеффа, Джоуи.

Г77 Дети Эдема : [роман] / Джоуи Грасеффа; пер. с англ.
А. Анастасьева. — Москва: Издательство АСТ, 2017. —
384 с. — (Блогер. Fiction).

ISBN 978-5-17-103391-0

Рауэн живет в мире, где контроль за рождаемостью не допускает ее существования: она второй ребенок в семье. Шестнадцатилетняя девушка вынуждена прятаться в доме родителей. Она не может ходить в школу, заводить друзей, свободно гулять по Эдему... За пределами Эдема планета Земля мертва. Все живое на ней погибло в результате экологической катастрофы. Людям придется ждать еще тысячи лет, прежде чем специально созданная программа исцелит планету и сделает ее снова пригодной для обитания.

Рауэн устала постоянно скрываться, ей хочется хотя бы раз в жизни побывать за пределами дома. Однажды она решает сбежать — только на одну ночь. Куда приведет ее эта ночь, полная опасных приключений?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-103391-0

Copyright © 2016 by Joey Graceffa

Cover design © Krzysztof Iwanski 2016

© А. Анастасьев, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается тем, чье воображение делает мир прекрасным:
никогда не оставляйте мечтаний.*

*И моим читателям, превращающим мои мечтания
в действительность.*

— Еще! Давай еще! — требую я, стуча кулаком по сверкающему металлу обеденного стола под открытым небом. Над нами мерцают звезды, пробиваясь сквозь густую дымку наночастиц, которая защищает нас от губительных воздействий при разрушенной атмосфере. Напротив, по другую сторону стола, мерцают глаза моего брата Эша.

— Жрецы говорят, Рауэн, что именно так предки и погубили нашу планету. «Еще, дай еще!» — вечно требовали они до того самого дня, когда ей оказалось нечего больше дать им и она умерла. — На его лице ухмылка. Я знаю, что он просто дразнится, но все-таки всегда замечаю, как Эш всем телом невольно содрогается при мысли о Гибели Природы. Он регулярно ходит в храм, часами простаивает там на коленях и страстно кается за деяния наших предков. Толку от этого мало. Воздушная оболочка Земли как была разрушенной, так и остается, мир мертв, а мы все еще живы только благодаря чуткому попечению и заботе Экопаноптикума. Никакими молитвами на этом све-

те больше не вырастить ни единого дерева. Земля ушла в небытие, а мы уцелели.

Я-то в храм никогда не ходила, ни разу. Возможно, если б ходила, то не рассуждала бы так цинично. Но с другой стороны, я ведь, собственно, нигде не была за все эти шестнадцать лет. По крайней мере, формально. Потому что меня, понимаете ли, не существует.

С таким же успехом я могла бы представлять собой плод воображения своего братца-близнеца. Если бы дело так и обстояло, думаю, он давно уже пошел бы домой и улегся спать. Плод воображения все же легче «стряхнуть» с себя, но я-то не такова, и Эш это знает. Я никогда не сдаюсь. Так что многолетняя привычка — ну и, конечно, мамины напоминания — заставляют его посвящать добрый кусок каждого божьего дня ответам на мои бесконечные вопросы.

Для несуществующей девочки я та еще надоеда. Во всяком случае, так постоянно твердит Эш.

Я лукаво улыбаюсь в лицо брату и снова повторяю:

— Давай еще!

Он медлит. Тогда я, выстрелив пружиной, наскочиваю на него и с размаху валю назад. Стул опрокидывается на толстый ковер из мха, который мама так бережно хранит и лелеет. Эш делает попытку технично откатиться в сторону, но роста мы с ним одинакового, а силы у меня, к его большому смущению, побольше.

— Ну, давай же! Рассказывай, — воплю я что есть мочи, придавливаю его своим весом и начинаю щекотать. Он вертится, извивается подо мной, и вот уже оба мы почти в истерике.

Но тут с веранды доносится ласковый голос мамы:
— Хватит, хватит! Хотите, чтобы соседи услышали?

И мы тут же умолкаем. Очень маловероятно, чтобы наш смех и визги проникли за высокую каменную стену вокруг нашего семейного жилого комплекса, но если все-таки проникнут, будет беда. Никто не должен знать, что я здесь. Разве что маме удастся наплести, будто девчачий смех издавала какая-нибудь забредшая в гости подружка Эша. Да ведь к нам почти никто не ходит! (А когда кто-то все-таки бывает, мне приходится прятаться в одном из множества укромных закутков и наглухо отгороженных потайных комнат, устроенных родителями по всему дому.) Однако всегда остается опасность, что кто-нибудь из особо пронырливых соседей увидит данные видеокamer местного самоуправления и «сложит два плюс два». Тогда мне придет конец. В буквальном смысле.

Так что я помогаю Эшу подняться на ноги, спокойно сажусь напротив и снова приступаю к своему любимому занятию: умоляю — разве что более спокойным тоном — рассказать мне о неведомом мире за пределами нашей семейной обители. Мне не просто не хватает впечатлений от всего того, чего я лишена. Я умираю от их нехватки. С ума схожу.

— Во что сегодня Ларк переделалась после школы?

Ларк — это девочка, которая нравится моему брату, и меня она просто завораживает. Он так ее описывает, что незнакомый образ встает передо мной как живой, и мне начинает казаться, что я с ней тоже дружу. В смысле, дружу так, как если бы была настоящей. Наверняка, встретиться мы с ней, сразу стали бы не разлей вода.

Каждый день, как только Эш возвращается домой, я засыпаю его вопросами. Хочу все знать в мельчайших деталях. Где он был, что делал. Для самостоятельного освоения учебной программы мне хватает видеороликов и всяких компьютерных информблоков. Но люди мне интересны куда больше. Их мельчайшие повадки, любые оттенки их поведения приводят меня в восторг.

Что, учительница по истории окружавшей среды сегодня опять заигрывала с директором? А оператор автоциклического сканирования улыбался, когда считывал радужную оболочку твоих глаз при входе в школу? А Брук снова чавкал своими пирожками с красной водорослью?

Это все его знакомые, у меня таких никогда не будет, но я их всех люблю.

Увы, иногда из Эша не вытянешь подробностей, которых я так жажду. Вот спросишь его, что было на Ларк, а он в ответ:

— Что-то такое желтое, кажется...

— Ярко-желтое? Или бледно? — нетерпеливо терплю его я. — Или с лимонным отливом? Или с лютиковым? Или как солнце?

Ну, то есть, конечно, со времен Гибели Природы (Экологической Катастрофы) ни лимонов, ни лютиков никто не видел, но все же...

— Н-н-не знаю... Кажется, что-то такое... средне-желтое.

— Платыце?

— М-м-м...

Тут я резко и демонстративно откидываюсь на спинку стула.

— Никакого от тебя проку. Ни-ка-ко-го.

Эш, святая простота, никогда не поймет, как вся эта ерунда, в его глазах такая незначительная, может для меня быть дороже и важней всего на свете. Он старается — взаправду, изо всех сил. Но мне всегда мало, всегда недостаточно, всегда хочется еще... Вот так вот мы вдвоем и строим с горем пополам этот призрачный мир для призрачной девчонки. Должна же я быть всегда готова к тому славному дню, когда наконец явлюсь на всеобщее обозрение — вот она я! Если только такой день настанет. Мама с папой всегда уверяют — да, конечно, когда-нибудь... Но прошло уже шестнадцать лет таких уверений, а он все не настает.

Я пристально слежу за тем, как брат мучительно пытается припомнить все перипетии минувшего дня — ради меня, чтобы и я ощутила себя частичкой реальности. Он — мое зеркало, мое отражение, он почти во всем похож на меня. Такие же черные, как ночь, волосы, очертания волевого подбородка смягчены ямочкой, светло-бронзовый цвет кожи. Говорит, что ему не нравится его лицо, слишком тонкие, мол, черты для парня. А я, если бы больше знала о настоящем мире, наверное, считала бы, что у меня — слишком грубые для девушки. По-моему, главное несходство — в линиях челюсти. То есть у обоих у нас они остро и резко очерчены, но Эш, когда чем-то озабочен или взволнован, начинает двигать ею, словно пытается разгрызть возникшую проблему как орех. (Про орехи я смотрела видео по истории окружающей среды. Представляете себе, нечто съедобное раньше росло на деревьях!)

А у меня, когда я чем-то расстроена, челюсть напрягается и замирает в неподвижности. Я просто

стискиваю зубы до боли в мышцах. И, надо сказать, в последнее время частенько сжимаю.

Есть еще два очевидных различия между нами — ну, не считая пола, конечно. У Эша глаза плоские, светоотражающие, серо-голубые, как у мамы. У меня они странного изменчивого оттенка — он как будто перетекает в зависимости от освещения из зеленого в синий и даже золотистый. Внимательно глядя в зеркало, я вижу какую-то янтарную «звездную россыпь» посреди голубизны, словно крапинки и прожилки метеорами разлетаются по лазурному небу.

Вот эти-то глаза меня моментально и выдали бы с головой, если б кто-нибудь в них заглянул. Ведь всем детям вскоре после рождения вживляют специальные линзы-импланты. Глаз человека миллионами лет эволюции был приспособлен к тому, чтобы выдерживать воздействие световых волн определенной длины. Ну, а теперь, когда земная атмосфера повреждена, мы подвергаемся усиленному низкочастотному излучению ультрафиолета, для необработанных зрачков оно очень опасно. Вот от этих лучей низкого диапазона вживляемые фильтры и защищают глаза моих современников. Вред для зрения проявляется не сразу, но если не сделать такой операции, рано или поздно ослепнешь. Я пока еще никаких изменений не почувствовала, но все говорят, что годам к тридцати свет для меня начнет меркнуть.

Каждый такой глазной фильтр специально кодируется, чтобы личность каждого жителя Эдема всегда можно было проверить простым сканированием.

Естественно, мне такую процедуру сделать не могли, так что мои радужные оболочки сохранили естественный цвет. Иногда, если Эш смотрит на меня

слишком долго, я замечаю, как он щурится и качает головой: видно, они его выводят из равновесия. А папа, у которого глаза матово-карие, как обои на стене, вообще едва может на меня смотреть.

Второе отличие мое от Эша не всякий смог бы распознать. Дело в том, что брат — старше. Всего лишь на десять минут, но что из того — старше же! А значит, он — «законный», он — «нормальный», «официальный», первенец! А я — стыдный для всех последыш, второй ребенок, позор семьи, которому на свет вовсе не стоило рождаться.

Эшу пора в дом, надо доделывать домашку. Мои уроки, заданные мамой в строгом соответствии с тем, что проходит брат, давно выполнены — еще за несколько часов до его возвращения из школы. Ночь сгущается, и я принимаюсь неприкаянно вышагивать туда-сюда по двору. Мы живем в одном из внутренних округов, совсем рядом с Центром, ведь родители оба работают в правительственных структурах. Дом у нас огромный, места гораздо больше, чем нам нужно. Но всякий раз, когда папа предлагает продать его или сдать по частям, мама пресекает разговор на корню. Это ее дом, доставшийся ей от ее родителей. В отличие от большинства построек во всем Эдеме, он каменный. Если приложить ладони к его стенам, кажется, будто физически ощущаешь дыхание Земли. Камень ведь в каком-то смысле живой. Во всяком случае, живет металла, цемента и солнечных батарей, из которых сложено в Эдеме почти все остальное. Думаю, эти камни побывали в грунте. В настоящей почве — с червями, корнями... с жизнью. В той естественной среде, в какой не бывал никто из нас, эдемцев.

Мох, которым покрыт наш наглухо огороженный двор, правда, живой, но это же — не настоящее растение. Почва ему не нужна. У него нет корней — только нитевидные крепления, которыми он держится за скальную породу. Питается этот мох не из почвы, а из воздуха. Его, как и весь Эдем, ничто не связывает с Землей. А все-таки он растет, существует, и когда я осторожно ступаю по его мягкой поверхности, источает свежий аромат, который поднимается к моим ноздрям. Так что если закрыть глаза, можно представить себе, что ты в густом лесу. В одном из тех, что исчезли без следа почти двести лет тому назад.

Моя мама работает в Центральном отделе актов и хроник главным архивариусом и имеет доступ к самым ценным старым документам, составленным еще до Гибели Природы (Экологической Катастрофы). На учебных информблоках есть только графические иллюстрации того, как все выглядело раньше, но мама рассказывала, что у них в секретных хранилищах остались картинки — очень ветхие, уже рассыпающиеся. Изображения настоящих тигров и овечек, пальм и лужаек с полевыми цветами. Они настолько старинные и ценные, что хранятся в специальном стерильном помещении и работать с ними можно только в перчатках.

Один такой экспонат мама достала для меня. За такое ее вполне могли посадить за решетку, но она решила, что этой фотографии, наверное, никогда не хватятся, а я заслуживаю — за годы заточения — чего-то особенного. Однажды, перебирая кипы старых документов, мама наткнулась на нигде не зарегистрированный кадр с изображением ночного звездного неба над каким-то огромным ущельем. Он был по-

доткнут к обратной стороне какой-то другой бумаги и помечен датой — непосредственно накануне Гибели Природы, совсем незадолго.

Знаете, звезды не похожи ни на что из виденного мной за всю жизнь. Их — тысячи и тысячи, они плавают в млечно-белесом «море», а под ними — на той фотографии — угадываются контуры деревьев, уцепившихся корнями за скалистые горы. Такой простор, такую необъятность я едва в силах себе представить. Наш Эдем большой, но автоциклическим сканированием или, проще говоря, автолупой, можно за полдня «прощупать» весь город до мельчайших подробностей. А на древней, ветхой, свернувшейся от времени в трубочку картинке, которую мама тайком умыкнула мне в подарок, — виден целый мир! Тот самый Мир, единственный и неповторимый. Самое драгоценное, самое заветное мое достояние...

Да и сама мама, поскольку ей часто приходилось рассматривать такие вещи, ценит все живое и дорожит им сильнее, чем большинство людей. По словам Эша, теперь семьи обычно обсаживают дворы веселеньким неоновым-зеленым дерном и деревцами из пластика. А вот наша родительница всегда стремится добиться максимального сходства с «оригиналом», даже если в итоге выходит не особенно мило. Кроме мха у нас есть еще и фрагменты скальной породы, поросшие белым и розовым лишайником. Получается будто грязноватая плесень, или, по-научному говоря, слизевики-миксомицеты карабкаются вверх по каким-то диковинным абстрактным скульптурам. А в центре двора разбит еще и маленький пруд, где красные и зеленые водоросли вечно кружатся завитушками в искусственном потоке воды.